

„На днѣ“ сцены М. Горькаго.

Наконецъ и нижегородцы увидали „На днѣ“ М. Горькаго: пьеса поставлена третьяго дня въ городскомъ театрѣ труппой, специально собранной для этой пьесы Д. И. Васмановымъ.

Спектакль, какъ уже было отмѣчено, прошелъ съ успѣхомъ. Но этимъ выражено не все. Пьеса г. Горькаго имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ театральнй успѣхъ, какъ его принято понимать. Она возбуждаетъ большыя вопросы въ васъ, возбуждаетъ споры, мнѣнія, изъ которыхъ какъ извѣстно рождается истина, пробуждаетъ любовь къ человѣку. Среди грязи, пьянства, бѣдности, нищеты, въ темномъ углу ночлежки этотъ призывъ къ любви въ устахъ странника Луки звучитъ гордо, побѣдно, свѣтитъ яснымъ лучемъ, согрѣваетъ, является, по выраженію одного изъ героев пьесы, кислотой съѣдающей ржавчину съ монеты.

„На днѣ“ не пьеса въ томъ смыслѣ, какъ принято понимать это слово: это рядъ житейскихъ картинъ, пронизанныхъ одной общей идеей: пробудить уваженіе къ человѣку. Въ этомъ отношеніи она написана глубоко, даетъ картину жизни на днѣ въ полномъ ея обликѣ. Тотъ, кто хоть разъ спускался на дно жизни, пойметъ, что пьеса г. Горькаго—сама жизнь. Баронъ, шулеръ, актеръ, Настя, Костылевъ, Цепель, Василиса и другіе все это живыя типы, словно только что вышедшіе изъ какой-нибудь Хитровки. Когда поднимается занавѣсъ и вы видите это дно жизни, вамъ становится жутко, непріятно, васъ обдаётъ

воздухомъ, въ которомъ трудно дышать. Кромѣ непріятнаго въ васъ не пробуждается никакого чувства по отношенію къ этимъ отверженнымъ людямъ. Вы сами какъ будто отрываетесь отъ нихъ, хотя они—часть общей человѣческой жизни. Но вотъ появляется въ этомъ смрадномъ углу Лука и чувство непріязни у васъ понемногу исчезаетъ, ступенчато и въ васъ пробуждается сознание, что и здѣсь живетъ человѣкъ, котораго, по выраженію Луки,—не жалѣть, а уважать надо.

О пьесѣ М. Горькаго писано такъ много, что распространяться о ней въ настоящей замѣткѣ не будемъ.

Поставлена она на сценѣ нижегородскаго театра удовлетворительно. Внѣшняя обстановка безусловно хороша, жизненна, выдержана. Художественный московскій театръ въ данномъ случаѣ сослужилъ службу и провинціи: его постановка послужила образцомъ и для здѣшняго театра. Ночлежка Костылева—это копія многихъ ночлежекъ московской Хитровки со всѣми ихъ аксессуарами. Слѣдуетъ отмѣтить также хорошо поставленные массовыя сцены въ третьемъ актѣ: они вышли замѣчательно правдиво, ярко, жизненно. Что же касается отдѣльных исполнителей, то въ этомъ отношеніи можно было ожидать лучшаго. Лука въ исполненіи г. Михаленко былъ только мѣстами хорошъ, въ отдѣльных сценахъ, въ общемъ же онъ не могъ удовлетворить. Г-жа Лермина изобразила Василису барыней и только одна сцена въ третьемъ актѣ проведена артистскій удачно. Неудачна была г-жа Трефилова въ роли Наташи. Болѣе жизненно играла г-жа Бухтоярова въ роли Насти. Баронъ въ исполненіи г. Путяты былъ невыдержанъ до конца роли, хотя артистъ далъ довольно типичный образъ. Пепель—г. Собининъ, Сатинъ г. Демуръ, актеръ—г. Николаевъ, старались подражать исполнителямъ въ московскомъ художественномъ театрѣ. Очень хороша была г-жа Соколовская въ роли жены слесаря.

Въ режиссерскомъ отношеніи были небольшіе пробѣлы, но въ общемъ постановку нужно признать старательной.